

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО «ПОЛЯ»: ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ

Сергей Сергеевич Алымов

Институт этнологии и антропологии РАН
32а Ленинский пр., Москва, Россия
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
11 Покровский бульвар, Москва, Россия
alymovs@mail.ru

Станислав Сергеевич Петряшин

Российский этнографический музей
4/1 Инженерная ул., Санкт-Петербург, Россия
s.petryashin@ethnomuseum.ru

Аннотация: Статья служит предисловием к блоку статей «Советское этнографическое “поле”: теории, практики, дискурсы». Авторы обсуждают историю изучения полевой этнографии в мировой и отечественной науке и показывают, что этнографическое «поле» было в фокусе поворотов, связанных с переосмыслением истории дисциплины в постколониальном и постсоветском контекстах. Историки американской и европейской антропологии критиковали колониальные установки, лежащие в основе антропологической «концепции поля», в то время как историки советской этнографии видели ее скорее жертвой репрессивного государства, которому вменялось в вину, в частности, исчезновение из практики стационарной полевой работы. Авторы призывают отказаться от бинарного восприятия истории советской этнографии и парадигмы «великого перелома» как объясняющей модели в пользу более плюралистичного подхода, учитывающего способность власти не только запрещать и наказывать, но и создавать условия и стимулы для адаптации старых и производства новых знаний, дискурсов и идентичностей. Дается обзор статей в подборке и раскрывается их вклад в современную историографию. Авторы выделяют две сквозные темы в публикуемых статьях — многообразие взглядов на полевую работу среди представителей разных школ советской этнографии и роль «поля» в определении места этнографии среди смежных наук.

Ключевые слова: история антропологии, антропологическая теория, советская этнография, этнографические экспедиции, полевая работа.

Благодарности: Исследование Сергея Алымова осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для ссылок: Алымов С., Петряшин С. История советского этнографического «поля»: введение в тему // Антропологический форум. 2025. № 67. С. 11–27.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-67-11-27

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/067/alymov_petriashin.pdf

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2025, NO. 67

THE HISTORY OF THE SOVIET ETHNOGRAPHIC “FIELD”: AN INTRODUCTION TO THE TOPIC

Sergei Alymov

Institute of Ethnology and Anthropology, RAS
32a Leninskiy Ave., Moscow, Russia
HSE University
11 Pokrovskiy Blvd, Moscow, Russia
alymovs@mail.ru

Stanislav Petriashin

The Russian Museum of Ethnography
4/1 Inzhenernaya Str., St Petersburg, Russia
s.petryashin@ethnomuseum.ru

Abstract: This article serves as a preface to the block of articles on “The Soviet Ethnographic ‘Field’: Theories, Practices, Discourses”. The authors discuss the history of ethnographic fieldwork in Russia and worldwide and argue that it has been the focus of “turns” associated with rethinking the history of the discipline in the postcolonial and post-Soviet contexts. Historians of American and European anthropology have criticised the colonial assumptions underlying the anthropological concept of “the field”, while historians of Soviet ethnography have viewed it more as a victim of a repressive state, which was blamed, in particular, for the disappearance of stationary fieldwork. The authors call for a rejection of the binary perception of the history of Soviet ethnography and the “Great Break” paradigm as an explanatory model in favour of a more pluralistic approach that takes into account the ability of the authorities not only to prohibit and punish, but also to create conditions and incentives for the adaptation of old and the production of new knowledge,

discourses, and identities. An overview of the articles in the issue is given and their contribution to modern historiography is revealed. The authors identify two recurring themes in the published articles: the diversity of views on fieldwork among representatives of different schools of Soviet ethnography and the role of the “field” in defining ethnography’s place among related disciplines.

Keywords: history of anthropology, anthropological theory, Soviet ethnography, ethnographic expeditions, field work.

Acknowledgements: Sergei Alymov’s research was carried out within the framework of the HSE Fundamental Research Programme.

To cite: Alymov S., Petriashin S., ‘Istoriya sovetskogo etnograficheskogo “polya”’: vvedenie v temu’ [The History of the Soviet Ethnographic “Field”: An Introduction to the Topic], *Antropologicheskij forum*, 2025, no. 67, pp. 11–27.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-67-11-27

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/067/alymov_petriashin.pdf

Сергей Алымов, Станислав Петряшин

История советского этнографического «поля»: введение в тему

Статья служит предисловием к блоку статей «Советское этнографическое “поле”: теории, практики, дискурсы». Авторы обсуждают историю изучения полевой этнографии в мировой и отечественной науке и показывают, что этнографическое «поле» было в фокусе поворотов, связанных с переосмыслением истории дисциплины в постколониальном и постсоветском контекстах. Историки американской и европейской антропологии критиковали колониальные установки, лежащие в основе антропологической «концепции поля», в то время как историки советской этнографии видели ее скорее жертвой репрессивного государства, которому вменялось в вину, в частности, исчезновение из практики стационарной полевой работы. Авторы призывают отказаться от бинарного восприятия истории советской этнографии и парадигмы «великого перелома» как объясняющей модели в пользу более плюралистичного подхода, учитывающего способность власти не только запрещать и наказывать, но и создавать условия и стимулы для адаптации старых и производства новых знаний, дискурсов и идентичностей. Дается обзор статей в подборке и раскрывается их вклад в современную историографию. Авторы выделяют две сквозные темы в публикуемых статьях — многообразие взглядов на полевую работу среди представителей разных школ советской этнографии и роль «поля» в определении места этнографии среди смежных наук.

Ключевые слова: история антропологии, антропологическая теория, советская этнография, этнографические экспедиции, полевая работа.

Для современной антропологии / этнологии полевая работа — основа идентичности, ключевой инструмент познания и залог научного авторитета. Но так было не всегда. Настолько важное значение «поле» получило в процессе профессионализации дисциплины и укоренения ее в музеях и университетах в конце XIX — начале XX в. Неудивительно, что сюжеты по истории полевых исследований чаще всего встречаются в рамках нарративов о становлении, «взрослении» дисциплины — историй антропологических и этнографических институций, биографий «отцов-основателей» научных школ и других известных ученых, истории основополагающих идей и концепций. Другой популярный (особенно в отечественной этнографии) жанр, касающийся проблематики «поля», — это источниковедческий анализ этнографических материалов, добытых в экспедициях предшественников. Он предполагает, что полевые практики подвергаются методической рефлексии.

Сергей Сергеевич Алымов

Институт этнологии
и антропологии РАН /
Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия
alymovs@mail.ru

Станислав Сергеевич Петряшин

Российский
этнографический музей,
Санкт-Петербург, Россия
s.petryashin@ethnomuseum.ru

В последней трети XX в. историю антропологии и этнографии накрыла волна новых исследований, предлагавших более экстерналистский подход к истории науки

и, в частности, полевых практик. Европейские и американские антропологи с рубежа 1960–1970-х гг. стали активно «прорабатывать» травму колониального прошлого дисциплины [Asad 1973; Fabian 1983; Clifford, Marcus 1986; Stocking 1991; Pels, Salemink 1994]. Публикация полевых дневников Б. Малиновского представила одного из «отцов» антропологии противоречивым человеком со свойственными его времени предрассудками и поколебала авторитет классической антропологии. Оказалась под огнем критики и восходящая к Малиновскому антропологическая «концепция поля», в которой, как показали А. Гупта и Дж. Фергюсон, заложены сомнительные теперь установки на поиск «настоящей», незапятнанной западным влиянием культуры, географически удаленного от «дома» и статичного места для полевых исследований [Гупта, Фергюсон 2013].

Историкам антропологии, впрочем, удалось избежать одномерных трактовок колониального периода истории дисциплины и показать разнообразие полевых практик, моделей отношений между этнографами, «информантами» и властью имущими, не вписывающееся в стереотипный образ антропологии как «служанки колониализма». Для этого было важно изучать «поля» не только «отцов-основателей» влиятельных антропологических традиций (вроде Ф. Боаса и Б. Малиновского) и их учеников, но и маргинализированных в англоязычной историографии исследователей — колониальных администраторов, миссионеров и антропологов из других национальных школ [Stocking 1991; Vermeulen, Roldán 1995; Kuklick 2008; Rosa, Vermeulen 2022]. Советская этнографическая традиция в этом контексте особенно интересна, так как она была одновременно одной из самых «древних» и одной из самых «новых». Она то порывала со своим «колониальным» и «буржуазным» прошлым, то гордилась своей восходящей к XVIII в. «родословной». Советские полевые исследования, направленные на изучение народов «империи положительной дискриминации» (*affirmative action Empire*, по выражению Т. Мартина), не поддаются прямолинейной постколониальной критике, но раскрывают «социальную жизнь» этнографии в условиях идеологического прессинга, репрессивного государства и модернизирующегося общества.

В истории отечественной этнографии XX в. изучение политического измерения «поля» началось также ближе к концу века — в постсоветский период. Появилась возможность заполнить лакуны, проговорить умолчания и отойти от предзаданных идеологических оценок, свойственных многим советским историографическим работам (см., например: [Гурвич 1968; Коротин 1968; Кармышева 1988]). В 1990-е гг. исследователи стали писать о феномене «репрессированной науки», задаваться вопросами об отношениях науки с властью и идеологией, критично

отзываться о марксизме и советском периоде в целом. Господствовавшее в то время состояние умов вслед за проницательными наблюдателями тех лет можно определить как «постсоветскую афазию» (С. Ушакин) или «негативную идентичность» (Л. Гудков*), характеризовавшиеся гиперкритичным взглядом на собственное прошлое и настоящее. Не осталась в стороне от этих процессов и отечественная этнография / этнология / антропология. В 1992 г. В.А. Тишков диагностировал ее «кризис», чем вызвал длительную полемику, публиковавшуюся в «Этнографическом обозрении» под рубрикой «Размышления о судьбах науки» [Тишков 1992]. В ее ходе было высказано много соображений как в пользу диагноза (идеологический диктат, догматизм, гиперцентрализация), так и против (успешное развитие направлений и субдисциплин, разнообразие тем, обилие публикаций). Тема полевой работы также поднималась как одна из причин отставания отечественной науки: «западному» стандарту включенного наблюдения в ходе как минимум года противопоставлялись кратковременные коллективные экспедиции, практиковавшиеся в СССР.

Особое внимание в постсоветской историографии уделяется 1920-м и 1930-м годам, особенно рубежу этих десятилетий, вошедшему в историю как «культурная революция», или «великий перелом». Неслучайно события этих лет затрагиваются в разной степени авторами всех статей настоящей подборки. В советское время этот период рассматривался лишь вскользь. К примеру, С.П. Толстов писал о «развитии вширь» и институциональном строительстве в 1920-е, сменившихся переломом, в ходе которого «советская этнография самоопределилась как отрасль исторической науки», а основной тематикой стали проблемы социального строя и «пережитков патриархального быта» [Толстов 1957: 37–38]. Указывал он и на отрицательные стороны процесса, которые охарактеризовал как «постепенное сужение профиля этнографии», превратившейся к концу 1930-х в «раздел истории первобытного общества». Этнография, по его мнению, не вписывалась в «детально разработанную классификацию наук», поскольку была одной из областей, являвшихся «переходными между большими сферами науки» [Там же: 39]. Как и Тишков, Толстов диагностировал «кризис», в который зашла наука под руководством его предшественников в конце 1930-х гг. Согласно С.А. Токареву, переход от плюрализма 1920-х к марксистской этнографии также не обошелся без «серьезных теоретических срывов и перегибов» [Токарев 1958: 84]. Оба автора, участники баталий рубежа 1920–1930-х гг., относились к ним как к болезненному, но необходимому этапу роста.

* Внесен Минюстом РФ в список иноагентов.

В постсоветский период оценки изменились на противоположные. Ю. Слезкин, статья которого о «нокдауне» советской этнографии задала тренд, писал о противостоянии «молодых этнографов-большевиков», покровительствуемых Н.Я. Марром, со своими «буржуазными» руководителями. Подчеркивая деструктивный характер перемен (закрытие кафедр и научных обществ), он описывал этнографов-марксистов как запутавших людей, лишенных элементарной логики [Слезкин 1993]. Т.Д. Соловей констатировала, что в «марксистском» (в кавычках) понимании этнография влачила жалкое существование и утрачивала всякий смысл [Соловей 2001]. Вопрос «поля» и здесь оказывался аргументом в пользу неправильного развития науки после «коренного перелома». Идеал стационарной полевой работы ленинградской школы этнографии В.Г. Богораза и Л.Я. Штернберга, близкий к классическому социально-антропологическому «полю» в духе Малиновского, был отброшен именно в ходе репрессивных 1930-х гг. В послевоенные годы стандартом стали крупные комплексные экспедиции, состоявшие порой из десятка «отрядов» этнографов, археологов и физических антропологов и действовавшие на территории целых регионов (Русская, Прибалтийская, Хорезмская и др.) в течение многих лет [Жданко и др. 1956]. Популярные в 1950–1960-е гг. исследования социалистической современности порой имели сходство с *community studies* западной антропологии, однако по критериям ленинградской школы соответствовали в лучшем случае «полустационару».

Таким образом, сложилась своего рода парадигма «коренного перелома», призванная играть масштабную роль объяснения не только событий рубежа 1920–1930-х гг., но и всех настоящих и мнимых неудач советской этнографии. Пожалуй, до сих пор, рассуждая об истории своей науки в XX в., российские этнологи и антропологи прежде всего вспоминают о том, что она была сведена до статуса «вспомогательной исторической дисциплины», лишена возможности развивать собственные теории и работать в поле стационарным методом. Однако здесь заключено сразу много вопросов, на которые парадигма «коренного перелома» дает упрощенные и неполные ответы. Являлся ли марксизм, даже в его советской версии, столь бесплодной теорией для этнографии? Что конкретно повлияло на прекращение стационарных исследований и судьбу ленинградской школы? Развивалась ли советская этнография 1920-х гг. благодаря контактам с Боасом в направлении, схожем с американской? Могла ли она (в альтернативной истории) выработать свою версию культурного релятивизма или какие-то другие «большие» теории? Принес ли статус (вспомогательной) исторической дисциплины этнографии одни несчастья? Можем ли мы

игнорировать тот факт, что под руководством Н.Я. Марра и его учеников шло активное институциональное строительство, результатами которого мы пользуемся до сих пор?

К счастью, оценки в духе «бинарного социализма» (А. Юрчак) не были единственными даже в 1990–2000-е гг. Так, А.М. Решетов на примере Н.М. Маторина показал, что лидера марксистов никак нельзя, руководствуясь бинарной схемой, считать безграмотным погромщиком [Решетов 2003]. Французский исследователь Ф. Бертран, пожалуй, наиболее подробно изучивший риторические стратегии Маторина, заключил, что самыми подходящими понятиями, их описывающими, будут «перевод» и «легитимация». Маторин, как всякий крупный ученый и организатор науки, стремился использовать весь арсенал идеологического и научного языка эпохи, и опираясь на «старых профессоров», и используя большевистский новояз и марксистскую теорию [Bertrand 2002: 61–76]. Не менее показательны статьи Решетова о работе Института этнографии в 1930–1940-е гг., не содержащие прямой полемики, но призванные показать, что даже в самые суровые годы сталинских репрессий и Великой Отечественной войны советская этнография не прекращалась в «нокдауне».

В последние двадцать лет такой взвешенный подход закрепился в изучении истории советской этнографии, в частности полевых исследований. Отказ от «бинарного» восприятия дисциплинарной истории позволил нарисовать более сложную картину сочетания преемственности и разрывов в истории этнографии, не сводящуюся к идеологическим погромам и «отменам». Можно сказать, что работы последних десятилетий (см. ниже) показали продуктивность власти в фуколдианском смысле, т.е. ее способность не только запрещать и наказывать, но и создавать условия и стимулы для адаптации старых и производства новых знаний, дискурсов и идентичностей.

Вопросы «политического» измерения этнографического «поля», впрочем, не всегда выходят на первый план в современной историографии и рассматриваются вместе и на основе изучения истории конкретных полевых исследований, биографий их организаторов и участников, их институционального обеспечения, научных программ и методик, форм фиксации и репрезентации полевых материалов. Рассмотрение проблематики «поля», как правило, соединяется с изучением ярких персоналий и связанных с ними научных школ, институций и проектов. Так, в этнографии 1920-х — начала 1930-х гг. активно исследуются комплексные экспедиции представителей ленинградской и московской палеоэтнологических школ [Дмитриев 2015; Давыдов, Сирина 2017; Шангина, Аксянова 2017; Сирина, Давыдов 2020;

Кадук, Кадук 2021; Винокурова 2023], студенческие «экскурсии» и стационарное «поле» этнографов школы Богораза и Штернберга [Арзютов, Кан 2013; Арзютов 2016; Вахтин 2016; Лярская 2016; Вахтин, Лярская 2024]. В этнографии 1930–1950-х гг. историки науки особо привлекают проекты полевого изучения социалистической культуры и быта колхозников и рабочих в академическом и музейном контекстах [Алымов 2010; Haber 2014; Петряшин 2018; 2021; Москвина 2021]. «Поле» позднесоветской этнографии в современной историографии оказывается более персонализированным и рассматривается не столько через связь со школами и институциями, сколько через включенность в личные научные проекты. Это может быть объяснено среди прочего расширением источниковой базы за счет материалов интервью и публикаций мемуарного характера [Туторский 2010; Алымов 2013; Аржанцева, Бутовская 2015; Пивнева 2017; Алымов, Листова 2023; Алымов, Батьянова 2025].

Авторы настоящей подборки стремятся продолжить эту линию исследований. Можно выделить две сквозные и взаимосвязанные темы в публикуемых статьях — многообразие взглядов на полевую работу среди представителей разных школ советской этнографии и роль «поля» в определении места этнографии среди смежных наук. Авторы рассматривают усилия ученых по укреплению или пересмотру дисциплинарных границ советской этнографии с естественными и гуманитарными науками (биологией, географией, историей, фольклористикой), с краеведением и любительской наукой. Те или иные конфигурации отношений этнографии со смежными науками при этом рассматриваются как зависимые (но не производные) от идеологической атмосферы эпохи, политических и социально-экономических процессов.

Станислав Петряшин представляет историю этнологических станций 1920-х гг., идея создания которых была вдохновлена успешной работой биологических и метеорологических станций в России и за рубежом. Ряд столичных этнографов и фольклористов при этом планировали опереться на поддерживаемое государством краеведческое движение и поручить местным исследователям стационарные полевые исследования на этнологических станциях. Этот вопрос был предметом спора среди этнографов. Так, представители ленинградской школы этнографии считали, что стационарное поле — удел профессиональных этнографов, и не хотели привлекать краеведов-любителей. Представители других этнографических школ (Ф.К. Волкова, Д.Н. Анучина, В.Ф. Миллера), наоборот, видели в краеведах людей, способных при должном методическом руководстве осуществить долговременные исследования в родной для них местности и дополнить, таким образом, материалы комплекс-

ных экспедиций. На примере деятельности крупного организатора этнографии Д.А. Золотарева Петряшин показывает проблематичность взаимодействия столичных и региональных исследователей: полевая работа в созданных поволжскими краеведами этнографических станциях значительно отличалась от популяризированного столичными этнографами «стационара».

Дмитрий Верховцев рассматривает проекты лидеров этнографических школ на Совещании этнографов Москвы и Ленинграда 1929 г. с точки зрения того, как они выстраивали дисциплинарные границы этнографии со смежными науками и какую роль в этом играла тема полевых исследований. Естественные науки оказываются для этнографов того времени «закрытыми друзьями». Преподавание этнографии, как правило, шло на факультетах естественно-научной направленности и поэтому дополнялось преподаванием соответствующих наук в большом объеме, особенно географии и биологии. Молодые этнографы и марксистские активисты, как показывает Верховцев, выступали против такой «опеки». На фоне усиления идеологического прессинга в конце 1920-х гг. лидеры этнографии стали искать спасения в проектах и концептах антропогеографического характера («этногеография», «техничко-культурный ареал» и др.). Это было обусловлено не только исторической близостью этнографии к географии, но и общей интеллектуальной атмосферой в СССР 1920-х гг., когда естественные науки приравнивались порой к материализму и, соответственно, марксизму (ср. дискуссию механицистов и диалектиков). Другой спасательный круг был брошен В.Г. Богоразом, который предлагал защитить автономию этнографии, подчеркивая специфический для нее метод стационарного полевого исследования. Это вызвало множество возражений у представителей школ культурно-исторической ориентации, выступавших за комплексные экспедиции.

Принципиальные дискуссии между этнографическими школами по поводу методов полевого исследования вполне могли разрешаться на практике. Так, в статье Петряшина приводится пример Северной этнографической станции (с. Усть-Цильма), организованной по инициативе Д.А. Золотарева при Этнографическом отделе Русского музея. Заведующим станции стал не местный житель-краевед, а студент этнографического отделения Географического института Д.Д. Травин.

Сотрудничество Золотарева с учениками Богоразы детальнее рассматривается Анастасией Лызловой и Светланой Подрезовой на примере экспедиций студентов этнографического отделения Ленинградского государственного университета / Ленинград-

ского государственного историко-лингвистического института в начале 1930-х гг. Авторы показывают, что студенческие экспедиции в Карелию под руководством ученика Богораза С.А. Макарьева были продолжением работ Северо-Западной этнологической экспедиции, прерванных арестом ее руководителя Золотарева. Об этом свидетельствует и выбранная методика полевых исследований. С одной стороны, участники экспедиции опирались на учебное пособие Макарьева «Полевая этнография», написанное на основе лекций Богораза, и использовали метод погружения в жизнь исследуемых людей, активного включения в местное сообщество. С другой стороны, работа была коллективной, комплексной и кратковременной, что скорее соответствовало концепции «поля» Золотарева. В последующие годы, как отмечают Лызлова и Подрезова, студенческие экспедиции теряют комплексный этнологический характер. На фоне превращения этнографии в историческую науку фольклористическая составляющая экспедиций постепенно обособилась от этнографической, а тематика изменилась в сторону изучения традиционного и современного фольклора. Статья дополнена публикацией ряда архивных документов.

Дарья Москвина рассматривает последствия историзации этнографии, когда многообразие школ сменилось централизацией и формированием общей «советской этнографической школы». В статье предлагается анализ полевой работы позднесоветского периода с точки зрения «архивного поворота» 1940–1950-х гг. На примере методического пособия по полевой этнографии Г.Г. Громова и руководимых им экспедиций автор показывает, как принятые строгие правила оформления этнографических материалов в поле (дневники, полевые тетради и пр.) обосновывались их новоприобретенным статусом исторических источников. Вместе с тем Москвина отмечает определенную «сомнительность» этнографических материалов в восприятии «настоящих» историков того времени, что дает важный контекст для понимания методических рекомендаций Громова по созданию и хранению «полевых документов». Организация в Институте этнографии хранения полевых источников создала предпосылки для дисциплинирования «поля» посредством архива. Как свидетельствуют документы Комиссии полевых исследований Института этнографии, передача экспедиционных материалов в архив стала условием следующего полевого выезда. Превращение дневников, полевых тетрадей и других материалов в отчетные документы обосновывалось через проведение аналогии с археологической практикой. В итоге архив стал не только «горизонтом» полевого исследования, но и его стартовой точкой. Двойной статус полевых материалов — как исторического источника и отчетного документа — в условиях

огосударственной и централизованной науки был, по мнению Москвиной, отличительной чертой «зрелой» советской этнографии.

Принципы текстуализации полевых материалов Громова, проанализированные Москвиной, во многом наследуют принципам ленинградской школы этнографии, представленным в пособии «Полевая этнография» Макарьева. Рассмотренные Лызловой и Подрезовой студенческие полевые записи это прекрасно демонстрируют. В частности, различие «полевого дневника» и «полевой тетради» у Громова соответствует различию «дневников» и «реальных записей» у Макарьева. В первые следовало вносить личные наблюдения и впечатления, во вторые — сведения, полученные от информантов, фольклорные тексты, диалектную речь и т.п. В такой форме организации полевых материалов можно увидеть парадоксальное сочетание естественно-научных стандартов объективности и точности, с одной стороны, и риторики Богораза о «вчувствовании» и вживании во внутреннюю жизнь изучаемых людей — с другой.

Противостояния механицистов и диалектиков, «историзаторов» и «биологизаторов», сторонников стационарного и экспедиционного методов составляют сложный клубок дискуссий, который в 1920–1930-е гг. был не столько распутан, сколько разрушен введением исторического материализма. Последний дал целому поколению советских этнографов инструментарий для теоретических построений в области изучения первобытности, эволюции социального строя, этногенеза. Но вместе с возвышением Толстова в 1940-е гг. в этнографию вернулись и многие идеи 1920-х гг. с их естественно-научным (географическим) компонентом, в частности появились этнографические атласы, концепции хозяйственно-культурных типов, историко-культурных областей. В 1960-е гг. творческий импульс исторического материализма практически сошел на нет. Дисциплинарные границы этнографии снова зашатались: произошел ренессанс «биологизаторской» (по выражению Аптекаря) теории этноса, появилось множество пограничных дисциплин с приставкой «этно-» (этносоциология, этноэкология и т.д.). Можно полагать, что этнографическое «поле» было в этих процессах одним из важных действующих элементов — в виде различных вариантов практики, в теоретической рефлексии, а также как дискурсивный аргумент. Мы надеемся, что предлагаемая подборка стимулирует дальнейшие исследования в этой области и будет способствовать становлению отечественной этнографии / этнологии / антропологии важным фигурантом мировой истории «поля».

Благодарности

Исследование Сергея Алымова осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Библиография

- Алымов С. Неслучайное село: советские этнографы и колхозники на пути «от старого к новому» и обратно // Новое литературное обозрение. 2010. № 1 (101). С. 109–129.
- Алымов С.С. Г.П. Снесарев и полевое изучение «религиозно-бытовых пережитков» // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 69–88.
- Алымов С.С., Батьянова Е.П. «Я стремилась запечатлеть состояние этнических культур Сибири на определенном срезе истории». Интервью с Еленой Петровной Батьяновой // Антропологии / Anthropologies. 2025. № 1. С. 138–161. doi: 10.33876/2782-3423/2025-1/138-161.
- Алымов С.С., Листова Т.А. «Попробовать понять человека не с материалистической точки зрения мне кажется важным». Интервью с Т.А. Листовой // Антропологии / Anthropologies. 2023. № 1. С. 211–233. doi: 10.33876/2782-3423/2023-1/211-233.
- Аржанцева И.А., Бутовская М.Л. (отв. ред., сост.). Этнография полевой жизни: воспоминания сотрудников ИЭА РАН. М.: ИЭА РАН, 2015. 160 с.
- Арзютов Д. Этнограф с кинокамерой в руках: Прокофьевы и начало визуальной антропологии самодийцев // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 187–219.
- Арзютов Д.В., Кан. С.А. Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 45–68.
- Вахтин Н. «Проект Богораза»: борьба за огонь // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 125–141.
- Вахтин Н., Лярская Е. Письма из поля: принципы ленинградской этнографической школы и советская реальность // Новое литературное обозрение. 2024. № 190 (6). С. 15–43.
- Винокурова И.Ю. Этнографические экспедиции под руководством Д.А. Золотарева и политика коренизации в Карелии // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2023. Т. 10. № 1 (37). С. 117–128. doi: 10.24147/2312-1300.2023.10(1).117-128.
- Гупта А., Фергюсон Д. Дисциплина и практика: «поле» как место, метод и локальность в антропологии (пер. с англ. С.В. Соколовского, О.А. Поворознюк) // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 3–44.
- Гурвич И.С. Этнографическая деятельность М.Г. Левина на Охотском побережье в 1930–1932 гг. (к вопросу о методике ранних советских полевых исследований) // Липец Р.С. (отв. ред.). Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М.: Наука, 1968. Вып. 4. С. 110–121.
- Давыдов В.Н., Сирина А.А. Тунгусская экспедиция 1927–1928 гг. и ее место в истории московской этнографической школы // Пивнева Е.А.

- (отв. ред., сост.). Поле как жизнь: к 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН. М.; СПб.: Нестор-история, 2017. С. 39–49.
- Дмитриев В.А.* А.А. Миллер и Этнографический отдел Русского музея // Музей. Традиция. Этничность. 2015. № 2 (8). С. 20–40.
- Жданко Т.А., Крупянская В.Ю., Терентьева Л.Н.* Об организации и методике полевых этнографических исследований // Советская этнография. 1956. № 3. С. 25–34.
- Кадук Е.В., Кадук А.В.* Полевые дневники Тунгусской экспедиции 1927–1928 гг. М.Г. Левина и Б.А. Куфтина: методология сбора и описания материала // Кунсткамера. 2021. № 2 (12). С. 104–122. doi: 10.31250/2618-8619-2021-2(12)-104-122.
- Кармышева Б.Х.* Этнографическое изучение народов Средней Азии и Казахстана в 1920-е годы (полевые исследования Ф.А. Фиельструпа) // Липец Р.С. (отв. ред.). Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М.: Наука, 1988. Вып. 10. С. 38–62.
- Коротин Е.И.* Принципы организационно-сборительской работы в фольклористике 1920-х годов (Борис Матвеевич Соколов) // Липец Р.С. (отв. ред.). Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М.: Наука, 1968. Вып. 4. С. 122–135.
- Лярская Е.* «Ткань Пенелопы»: «проект Богораза» во второй половине 1920-х — 1930-х гг. // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 142–186.
- Москвина Д.А.* Прикладная наука в Институте по изучению народов СССР в Академии наук СССР в 1930-е: проект колхозной этнографии // Кунсткамера. 2021. № 1 (11). С. 75–87. doi: 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-75-87.
- Петрашин С.* Соцреализм и этнография: изучение и репрезентация советской современности в этнографическом музее 1930-х гг. // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 143–175.
- Петрашин С.С.* Рабочие в советской музейной этнографии 1950-х годов: классовый анализ и политика времени // Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 156–174. doi: 10.31857/S086954150016707-7.
- Пивнева Е.А.* (отв. ред., сост.). Поле как жизнь: к 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН. М.; СПб.: Нестор-история, 2017. 304 с.
- Решетов А.М.* Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин // Тумаркин Д.Д. (сост., отв. ред.). Репрессированные этнографы. 2-е изд. М.: Вост. лит., 2003. Вып. 2. С. 147–192.
- Сирина А.А., Давыдов В.Н.* Этнограф Борис Александрович Васильев и его очерк «Пять дней среди орочей»: стратегии письма в советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2020. № 5. С. 5–22. doi: 10.31857/S086954150012346-0.
- Слезкин Ю.* Советская этнография в нокдауне: 1928–1938 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113–125.
- Соловей Т.Д.* «Коренной перелом» в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнологической науки: конец 1920-х — начало 1930-х годов) // Этнографическое обозрение. 2001. № 3. С. 101–121.
- Тишков В.А.* Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 5–20.

- Токарев С.А.* Советская этнография за 40 лет // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 2. С. 78–98.
- Толстов С.П.* Сорок лет советской этнографии // Советская этнография. 1957. № 5. С. 31–55.
- Туторский А.В.* Методы сбора и способы текстуализации полевого материала (на примере Северной экспедиции кафедры этнографии МГУ) // Никишенков А.А. (отв. ред.). Кафедра этнологии исторического факультета МГУ — 70 лет: сб. науч. статей. М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 273–293.
- Шангина И.И., Аксянова Г.А.* Давид Алексеевич Золотарев — этнограф, антрополог, организатор науки в России начала XX века // Сирина А.А. (отв. ред.). Три века российской этнографии: страницы истории. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 221–244.
- Asad T.* Introduction // Asad T. (ed.). *Anthropology and the Colonial Encounter*. New York: Humanity Books, 1973. P. 9–20.
- Bertrand F.* L'anthropologie soviétique des années 20–30. Configuration d'une rupture. Pessac: Presses Universitaires de Bordeaux, 2002. 344 p.
- Clifford J., Marcus G.E.* (eds). *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley, CA: University of California Press, 1986. IX+305 p.
- Fabian J.* *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object*. New York: Columbia University Press, 1983. XV+205 p.
- Haber M.* The Soviet Ethnographers as a Social Engineer: Socialist Realism and the Study of Rural Life, 1945–1958 // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2014. Vol. 41. No. 2. P. 194–219. doi: 10.1163/18763324-04102007.
- Kuklick H.* (ed.). *A New History of Anthropology*. Malden, MA: Blackwell, 2008. XIII+402 p.
- Pels P., Salemink O.* Introduction: Five Theses on Ethnography as Colonial Practice // *History and Anthropology*. 1994. Vol. 8. No. 1–4. P. 1–34. doi: 10.1080/02757206.1994.9960856.
- Rosa F.D., Vermeulen H.F.* (eds). *Ethnographers before Malinowski: Pioneers of Anthropological Fieldwork, 1870–1922*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2022. XVIII+522 p.
- Stocking G.W., Jr.* (ed.). *Colonial Situations: Essays on the Contextualization of Ethnographic Knowledge*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1991. 340 p. (History of Anthropology. Vol. 7).
- Vermeulen H.F., Roldán A.A.* (eds). *Fieldwork and Footnotes: Studies in the History of European Anthropology*. London; New York: Routledge, 1995. XII+261 p.

The History of the Soviet Ethnographic “Field”: An Introduction to the Topic

Sergei Alymov

Institute of Ethnology and Anthropology, RAS
32a Leninskiy Ave., Moscow, Russia
HSE University
11 Pokrovskiy Blvd, Moscow, Russia
alymovs@mail.ru

Stanislav Petriashin

The Russian Museum of Ethnography
4/1 Inzhenernaya Str., St Petersburg, Russia
s.petryashin@ethnomuseum.ru

This article serves as a preface to the block of articles on “The Soviet Ethnographic ‘Field’: Theories, Practices, Discourses”. The authors discuss the history of ethnographic fieldwork in Russia and worldwide and argue that it has been the focus of “turns” associated with rethinking the history of the discipline in the postcolonial and post-Soviet contexts. Historians of American and European anthropology have criticised the colonial assumptions underlying the anthropological concept of “the field”, while historians of Soviet ethnography have viewed it more as a victim of a repressive state, which was blamed, in particular, for the disappearance of stationary fieldwork. The authors call for a rejection of the binary perception of the history of Soviet ethnography and the “Great Break” paradigm as an explanatory model in favour of a more pluralistic approach that takes into account the ability of the authorities not only to prohibit and punish, but also to create conditions and incentives for the adaptation of old and the production of new knowledge, discourses, and identities. An overview of the articles in the issue is given and their contribution to modern historiography is revealed. The authors identify two recurring themes in the published articles: the diversity of views on fieldwork among representatives of different schools of Soviet ethnography and the role of the “field” in defining ethnography’s place among related disciplines.

Keywords: history of anthropology, anthropological theory, Soviet ethnography, ethnographic expeditions, field work.

Acknowledgements

Sergei Alymov’s research was carried out within the framework of the HSE Fundamental Research Programme.

References

- Alymov S., 'Nesluchaynoe selo: sovetskie etnografy i kolkhozniki na puti "ot starogo k novomu" i obratno' [The Nonrandom Village: Soviet Ethnographers and Collective Farmers on the Way "from Old to New" and Back], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2010, no. 1 (101), pp. 109–129. (In Russian).
- Alymov S. S., 'G. P. Snesarev i polevoe izuchenie "religiozno-bytovykh perezhitkov"' [G. P. Snesarev and the Field Study of "Religious-and-Everyday Survivals"], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013, no. 6, pp. 69–88. (In Russian).
- Alymov S. S., Batyanova E. P., "'Ya stremilas zapechatlet sostoyanie etnicheskikh kultur Sibiri na opredelennom sreze istorii". Intervyu s Elenoy Petrovnoy Batyanovoy' ["I Sought to Capture the State of the Ethnic Cultures of Siberia at a Certain Point in History". Interview with Elena Petrovna Batyanova], *Antropologii / Anthropologies*, 2025, no. 1, pp. 138–161. (In Russian). doi: 10.33876/2782-3423/2025-1/138-161.
- Alymov S. S., Listova T. A., "'Poprobovat ponyat cheloveka ne s materialisticheskoy tochki zreniya mne kazhetsya vazhnym". Intervyu s T. A. Listovoy' ["It Seems Important to Try to Understand Personality not from a Materialistic Perspective". Interview with T. A. Listova], *Antropologii / Anthropologies*, 2023, no. 1, pp. 211–233. (In Russian). doi: 10.33876/2782-3423/2023-1/211-233.
- Arzhantseva I. A., Butovskaya M. L., (eds, comps), *Etnografiya polevoy zhizni: vospominaniya sotrudnikov IEA RAN* [The Ethnography of Field Life: Memoirs of the IEA RAS Staff]. Moscow: IEA RAS Press, 2015, 160 pp. (In Russian).
- Arzyutov D., 'Etnograf s kinokameroy v rukakh: Prokofyevy i nachalo vizualnoy antropologii samodiytsev' [The Ethnographer(s) with a Cine-Camera in Their Hands: The Prokofievs and the Beginning of the Visual Anthropology of Samoyeds], *Antropologicheskij forum*, 2016, no. 29, pp. 187–219. (In Russian).
- Arzyutov D. V., Kan S. A., 'Kontseptsiya polya i polevoy raboty v ranney sovetskoj etnografii' [The Concept of the Field and Fieldwork in Early Soviet Ethnography], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013, no. 6, pp. 45–68. (In Russian).
- Asad T., 'Introduction', Asad T. (ed.), *Anthropology and the Colonial Encounter*. New York: Humanity Books, 1973, pp. 9–20.
- Bertrand F., *L'anthropologie soviétique des années 20–30. Configuration d'une rupture*. Pessac: Presses Universitaires de Bordeaux, 2002, 344 pp.
- Clifford J., Marcus G. E. (eds), *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley, CA: University of California Press, 1986, IX+305 pp.
- Davydov V. N., Sirina A. A., 'Tungusskaya ekspeditsiya 1927–1928 gg. i ee mesto v istorii moskovskoy etnograficheskoy shkoly' [The Tungus Expedition of 1927–1928 and Its Place in the History of the Moscow Ethnographic School], Pivneva E. A. (ed., comp.), *Pole kak zhizn: k 60-letiyu Severnoy ekspeditsii IEA RAN* [The Field as Life: On the 60th Anniversary of the Northern Expedition of the IEA RAS]. Moscow; St Petersburg: Nestor-istoriya, 2017, pp. 39–49. (In Russian).

- Dmitriev V. A., 'A. A. Miller i Etnograficheskiy otdel Russkogo muzeya' [A. A. Miller and the Ethnographic Department of the Russian Museum], *Musey. Traditsiya. Etnichnost*, 2015, no. 2 (8), pp. 20–40. (In Russian).
- Fabian J., *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object*. New York: Columbia University Press, 1983, XV+205 pp.
- Gupta A., Ferguson J., 'Discipline and Practice: "The Field" as Site, Method, and Location in Anthropology', Gupta A., Ferguson J. (eds), *Anthropological Locations: Boundaries and Grounds of a Field Science*. Berkeley, CA: University of California Press, 1997, pp. 1–46.
- Gurvich I. S., 'Etnograficheskaya deyatelnost M. G. Levina na Okhotskom poberezhye v 1930–1932 gg. (k voprosu o metodike rannikh sovetskikh polevykh issledovaniy)' [The Ethnographic Activity of M. G. Levin on the Okhotsk Coast in 1930–1932 (on the Methodology of Early Soviet Field Research)], Lipets R. S. (ed.), *Ocherki istorii russkoy etnografii, folkloristiki i antropologii* [Essays on the History of Russian Ethnography, Folklore Studies and Anthropology]. Moscow: Nauka, 1968, is. 4, pp. 110–121. (In Russian).
- Haber M., 'The Soviet Ethnographers as a Social Engineer: Socialist Realism and the Study of Rural Life, 1945–1958', *The Soviet and Post-Soviet Review*, 2014, vol. 41, no. 2, pp. 194–219. doi: 10.1163/18763324-04102007.
- Kaduk E., Kaduk A., 'Polevye dnevniki Tungusskoy ekspeditsii 1927–1928 gg. M. G. Levina i B. A. Kuftina: metodologiya sbora i opisaniya materiala' [The Field Diaries of the 1927–1928 Tungus Expedition of M. G. Levin and B. A. Kuftin: The Methodology of Collecting and Describing the Materials], *Kunstkamera*, 2021, no. 2 (12), pp. 104–122. (In Russian). doi: 10.31250/2618-8619-2021-2(12)-104-122.
- Karmysheva B. Kh., 'Etnograficheskoe izuchenie narodov Sredney Azii i Kazakhstana v 1920-e gody (polevye issledovaniya F. A. Fielstrupa)' [Ethnographic Study of the Peoples of Central Asia and Kazakhstan in the 1920s (Field Research by F. A. Fielstrup)], Lipets R. S. (ed.), *Ocherki istorii russkoy etnografii, folkloristiki i antropologii* [Essays on the History of Russian Ethnography, Folklore Studies and Anthropology]. Moscow: Nauka, 1988, is. 10, pp. 38–62. (In Russian).
- Korotin E. I., 'Printsipy organizatsionno-sobiratel'skoy raboty v folkloristike 1920-kh godov (Boris Matveevich Sokolov)' [Principles of Organisational and Collection Work in Folklore Studies of the 1920s (Boris Matveevich Sokolov)], Lipets R. S. (ed.), *Ocherki istorii russkoy etnografii, folkloristiki i antropologii* [Essays on the History of Russian Ethnography, Folklore Studies and Anthropology]. Moscow: Nauka, 1968, is. 4, pp. 122–135. (In Russian).
- Kuklick H. (ed.), *A New History of Anthropology*. Malden, MA: Blackwell, 2008, XIII+402 pp.
- Liarskaya E., "'Tkan Penelopy": "proekt Bogoraza" vo vtoroy polovine 1920-kh — 1930-kh gg.' ["Penelope's Cloth": The Bogoras Project from the Late 1920s–1930s], *Antropologicheskij forum*, 2016, no. 29, pp. 142–186. (In Russian).
- Moskvina D., 'Prikladnaya nauka v Institute po izucheniyu narodov SSSR v Akademii nauk SSSR v 1930-e: proekt kolkhoznoy etnografii' [Applied

- Science at the Institute for the Study of the Peoples of the USSR of the USSR Academy of Sciences in the 1930s: A Project of Collective Farm Ethnography], *Kunstkamera*, 2021, no. 1 (11), pp. 75–87. (In Russian). doi: 10.31250/2618-8619-2021-1(11)-75-87.
- Pels P., Salemink O., 'Introduction: Five Theses on Ethnography as Colonial Practice', *History and Anthropology*, 1994, vol. 8, no. 1–4, pp. 1–34. doi: 10.1080/02757206.1994.9960856.
- Petriashin S., 'Sotsrealizm i etnografiya: izuchenie i reprezentatsiya sovetskoy sovremennosti v etnograficheskom muzee 1930-kh gg.' [Socialist Realism and Ethnography: The Study and Representation of Soviet Contemporaneity in Ethnographic Museums in the 1930s], *Antropologicheskij forum*, 2018, no. 39, pp. 143–175. (In Russian).
- Petriashin S., 'Rabochie v sovetskoy muzeynoy etnografii 1950-kh godov: klassovyy analiz i politika vremeni' [Workers in Soviet Museum Ethnography in the 1950s: Class Analysis and the Politics of Time], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2021, no. 4, pp. 156–174. (In Russian). doi: 10.31857/S086954150016707-7.
- Pivneva E. A. (ed., comp.), *Pole kak zhizn: k 60-letiyu Severnoy ekspeditsii IEA RAN* [The Field as Life: On the 60th Anniversary of the Northern Expedition of IEA RAS]. Moscow; St Petersburg: Nestor-istoriya, 2017, 304 pp. (In Russian).
- Reshetov A. M., 'Tragediya lichnosti: Nikolay Mikhaylovich Matorin' [Personal Tragedy: Nikolay Mikhaylovich Matorin], Tumarkin D. D. (comp., ed.), *Repressirovannyye etnografy* [Repressed Ethnographers], 2nd ed. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003, is. 2, pp. 147–192. (In Russian).
- Rosa F. D., Vermeulen H. F. (eds), *Ethnographers before Malinowski: Pioneers of Anthropological Fieldwork, 1870–1922*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2022, XVIII+522 pp.
- Shangina I. I., Aksyanova G. A., 'David Alekseevich Zolotarev — etnograf, antropolog, organizator nauki v Rossii nachala XX veka' [David Alekseevich Zolotarev — Ethnographer, Anthropologist and Organizer of Science in Russia at the Beginning of 20th Century], Sirina A. A. (ed.), *Tri veka rossiyskoy etnografii: stranitsy istorii* [Three Centuries of Russian Ethnography: Pages of History]. Moscow: IEA RAN Press, 2017, pp. 221–244. (In Russian).
- Sirina A. A., Davydov V. N., 'Etnograf Boris Aleksandrovich Vasilyev i ego ocherk "Pyat dney sredi orochey": strategii pisma v sovetskoy etnografii' [The Ethnographer Boris Aleksandrovich Vasiliev and His Essay "Five Days among the Oroch": Writing Strategies in Soviet Ethnography], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2020, no. 5, pp. 5–22. (In Russian). doi: 10.31857/S086954150012346-0.
- Slezkine Yu., 'Sovetskaya etnografiya v nokdaune: 1928–1938' [The Fall of Soviet Ethnography: 1928–1938], *Etnograficheskoe obozrenie*, 1993, no. 2, pp. 113–125. (In Russian).
- Stocking G. W., Jr. (ed.), *Colonial Situations: Essays on the Contextualization of Ethnographic Knowledge*. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1991, 340 pp. (History of Anthropology, vol. 7).
- Solovey T. D., "Korennoy perelom" v otechestvennoy etnografii (diskussiya o predmete etnologicheskoy nauki: konets 1920-kh — nachalo

- 1930-kh godov)' ["A Radical Turn" in Our Domestic Ethnography (A Discussion on the Subject of Ethnological Science: Late 1920s — Early 1930s)], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2001, no. 3, pp. 101–121. (In Russian).
- Tishkov V. A., 'Sovetskaya etnografiya: preodolenie krizisa' [Soviet Ethnography: Overcoming the Crisis], *Etnograficheskoe obozrenie*, 1992, no. 1, pp. 5–20. (In Russian).
- Tokarev S. A., 'Sovetskaya etnografiya za 40 let' [Forty Years of Soviet Ethnography], *Vestnik istorii mirovoy kultury*, 1958, no. 2, pp. 78–98. (In Russian).
- Tolstov S. P., 'Sorok let sovetskoy etnografii' [Forty Years of Soviet Ethnography], *Sovetskaya etnografiya*, 1957, no. 5, pp. 31–55. (In Russian).
- Tutorskiy A. V., 'Metody sbora i sposoby tekstualizatsii polevogo materiala (na primere Severnoy ekspeditsii kafedry etnografii MGU)' [Methods of Collecting and Textualising Field Material (on the Example of the Northern Expedition of the Department of Ethnography of Moscow State University)], Nikishenkov A. A. (ed.), *Kafedre etnologii istoricheskogo fakulteta MGU — 70 let* [The Department of Ethnology of the History Faculty of Moscow State University Is 70 Years Old]: A collection of scientific articles. Moscow: Moscow State University Press, 2010, pp. 273–293. (In Russian).
- Vakhtin N., "'Proekt Bogoraza": borba za ogon' [The Bogoras Project: The Quest for Fire], *Antropologicheskij forum*, 2016, no. 29, pp. 125–141. (In Russian).
- Vakhtin N., Lyarskaya E., 'Pisma iz polya: printsipy leningradskoy etnograficheskoy shkoly i sovetskaya realnost' [Letters from the Field: Principles of the Leningrad Ethnographic School and Soviet Reality], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2024, no. 190 (6), pp. 15–43. (In Russian).
- Vermeulen H. F., Roldán A. A. (eds), *Fieldwork and Footnotes: Studies in the History of European Anthropology*. London; New York: Routledge, 1995, XII+261 pp.
- Vinokurova I. Yu., 'Etnograficheskie ekspeditsii pod rukovodstvom D. A. Zolotareva i politika korenizatsii v Karelii' [Ethnographic Expeditions Led by D. A. Zolotarev and the Policy of Ethnicisation in Karelia], *Vestnik Omskogo Universiteta*, series: Historical Studies, 2023, vol. 10, no. 1 (37), pp. 117–128. (In Russian).
doi: 10.24147/2312-1300.2023.10(1).117-128.
- Zhdanko T. A., Krupyanskaya V. Yu., Terentyeva L. N., 'Ob organizatsii i metodike polevykh etnograficheskikh issledovaniy' [On the Organisation and Methodology of Field Ethnographic Research], *Sovetskaya etnografiya*, 1956, no. 3, pp. 25–34. (In Russian).